

[ПОДСТРОЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ МИЛЛЯ]

[24] Относительно всех даже и второстепенных подробностей результата, который должен осуществиться еще в более или менее отдаленном будущем, надобно иметь особенный темперамент, которым природа не всякого наделяет. Есть люди, не способные по природе безусловно принимать никакое готовое мнение, а склонные все переделывать на свой лад; есть люди, расположенные думать, что подробностей будущего нельзя предусмотреть, а можно предугадывать только его общий характер; наконец, есть люди, расположенные пренебрегать отдаленными идеалами, обращать все внимание лишь на ближайшее, непосредственно возможное. Такие люди уже по природе своей не могут сделаться фурьеристами в точном смысле слова; а сумма людей таких темпераментов гораздо больше числа людей, в которых соединяются условия, при которых только и возможно стать последователем Фурье: сочетание скептицизма с доверчивостью, практичности с идеальностью. Потому выше мы сказали, что фурьеристы составляют лишь один отдел в числе социалистов, сходящихся с ними во всем существенном.

Кроме этой, основанной на различии натур, разницы между фурьеристами и массою социалистов, есть другая разница, основанная на ходе времени. Фурье создал свою систему лет 50 тому назад¹; его школа окончательно установилась лет 20 тому назад. А общий ход исторических явлений состоит в том, что основные мотивы движения выступают по мере его развития все ярче и ярче на первый план и затемняют собою те хотя и сродные с ним, но не прямо принадлежащие к нему элементы, из которых оно еще не выделялось в первое время. Сущность социализма относится собственно к экономической жизни. Но не в одном экономическом быте должны произойти коренные перемены: им подвергается вся жизнь человека: и его отно-

шения к другим людям по кровным или душевным привязанностям, и его воспитание, и его национальные отношения и т. д. Все эти перемены будут вести к цели, сходной с целью социализма, к улучшению жизни человека. Но тем не менее задача о переменах чисто экономических есть задача очень различная от усилий к улучшению других сторон жизни. У сен-симонистов эта экономическая задача еще расплывалась в неопределенной экзальтированной жажде пересоздать вообще всю жизнь человека. Характеристическою чертою их учения были пылкие тирады о какой-то «любви». Конечно, в сущности следовало тут разуметь просто любовь к ближнему, замену нынешнего враждебного эгоизма добрым расположением между людьми, и не трудно было бы истолковать эту обязанность любви в таком смысле, чтобы более всего думать о таком экономическом устройстве, при котором людям не было бы надобности враждовать, а была бы выгода желать добра друг другу. Но прямой житейский смысл слова любовь не тот, и сен-симонисты не замедлили понять всю свою идею именно с такой стороны, с которой эротический смысл стал господствовать над экономическим и всяким другим. Вопросы о браке и о свободной любви скоро привлекли к себе главное их внимание. Таким образом, в сен-симонизме элемент, собственно называющийся социализмом, был еще под владичеством стремлений, принадлежащих не экономической жизни, а так называемой жизни сердца. Фурьеризм уже прямо занимается всего более экономической стороною жизни. Но она в нем рассматривается нераздельно от всех других научных, нравственных и общественных вопросов: в систему Фурье входят и теория планетной жизни земного шара с астрономиею, геологиею, и психология, и вопрос о семейных отношениях, и вопрос о воспитании и т. д. Надобно даже сказать, что экономическая часть системы, хотя и составляет самый обширный предмет исследования, исследуется у фурьеристов на основании психологической их теории, которая и служит корнем всего учения. Мы не говорим, что это неосновательно в безусловном теоретическом смысле — напротив, основанием всему, что мы говорим о какой-нибудь специальной отрасли жизни, действительно должны служить общие понятия о натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях. Мы вовсе не думаем также сомневаться в надобности или достоинстве такой науки, которая была бы сводом или экстрактом всех частных наук. Но нельзя не сказать, что эта энциклопедия не уничтожает собою надобности в отдель-

ной разработке частных наук и что она скорее должна называться философией, нежели наукою о народном хозяйстве или политической экономии или социализмом. Мы хотим сказать, что фурьеризм еще имеет характер слишком энциклопедический или философский, и социалистическое движение при дальнейшем своем развитии должно было получить вид более частный или специальный, чем какой имеется в фурьеризме.

Оно так уже есть теперь. Нынешние социалисты говорят: мы имеем свои убеждения о натуре человека вообще, думаем известным образом о семейных или педагогических вопросах, как имеем известный образ мыслей о политических делах. Но когда мы пишем трактат об экономическом устройстве, мы не должны распространяться о предметах, посторонних этому частному исследованию²; когда мы обращаемся из писателей в практических деятелей, мы не хотим раздроблять своих сил и усложнять своего дела смешиванием его заботами о реформах по другим отраслям жизни. О педагогических, семейных, нравственных реформах пусть заботятся другие, или будем заботиться и мы сами, только уже в других книгах или в других проектах законов. Разделение труда нужно для его успешности.

Потому нынешний социализм все свое содержание ограничивает экономической стороною жизни, точно так же как политическая экономия. Например, в проектах о социалистических брошюрах Луи Блана вы не найдете ровно ничего о вопросах, не входящих в сферу экономической науки³.

25. Не должно забывать разницу между обязанностями писателя как теоретика и того же писателя как практического деятеля. В очень многих делах обстоятельства заставляют человека ограничиваться усилиями о практическом осуществлении только малейшей части того, что принимает и доказывает он как справедливое и нужное. Кто может отрицать, что война — дело вредное и безнравственное? На практике все мы принуждены пока ограничиваться стараньем, чтобы войны велись несколько реже, чем прежде, законы войны несколько смягчались, — например, было бы отменено каперство⁴, было бы ограничено понятие действительной блокады и т. п. Но следует ли выводить из этого, что «при нынешнем состоянии человеческого развития главным предметом наших забот должно быть не уничтожение войны, а только улучшение военных обычаев?». Мало ли чего при каком состоянии общества нельзя осуществить в скорое время. Например, нельзя

скоро достичь и того, чтобы люди не воровали, — должны ли мы поэтому лишать себя права называть воровство вещью, противоречащей общественному спокойствию и благоустройству?

Конечно, и в экономических делах, как во всяких других, надобно в данное время предлагать только такие реформы, которые возможны. Но характер, направление, общий смысл и самые подробности этих возможных и большею частью очень мелких улучшений должны определяться⁵ нашими понятиями о том, что хорошо само по себе, независимо от своей осуществимости или неосуществимости в данное время в данной стране. Иначе мы будем беспрестанно сбиваться с дороги и портить без всякой надобности не только будущее, но и настоящее. Когда Торвальдсен принимался, например, во вторник за свою работу, — за какую-нибудь статую, — он знал, что не кончит ее ни в этот вторник, ни в следующий, ни через месяц. Он должен был знать, что в первый день работы и в первую неделю работы и, может быть, гораздо дольше ему придется работать над придаванием куску мрамора тех грубых очертаний, которые все исчезнут, снимутся дальнейшим ходом работы. Но разве все-таки не было нужно ему с первого же дня знать, какой окончательный вид должен получить кусок мрамора, над которым начинает он работать? Ведь если его понятия об этом не установились заранее и если в первые дни работы он думал: «теперь мне еще не нужно соображаться с моим идеалом, который реализуется еще бог знает через сколько недель и месяцев, — ведь если б так, он в первый же день испортил бы свою работу. Отплывает из Англии в Америку пароход; он не сделает своего пути ни в один день, ни в два дня, но ведь с первой же минуты надобно капитану знать и помнить, куда должен приплыть пароход? Говорят: «у каждого дня своя забота» или еще ближе к подлиннику: «каждому дню довольно своей заботы». Так и у этого капитана всякий день довольно хлопот, возникающих именно из особенных обстоятельств этого дня; так каждый день плавания разнится от других. Но скажите же, важностью у этих ежедневных хлопот уменьшается ли сколько-нибудь необходимость знать окончательное назначение парохода?

Быть может, здесь нелишне будет сделать общую заметку о том, в каком виде представляется нам вероятнейший ход будущей истории экономического быта.

Коммунизм, по справедливому замечанию Милля, берет за основание общественного устройства идеал более

высокий, чем каковы принципы социализма. По этому самому эпоха коммунистических форм жизни, вероятно, принадлежит будущему, еще гораздо более отдаленному, чем те, быть может, также очень далекие времена, когда делается возможным полное осуществление социализма.

Но, с другой стороны, коммунистическая теория гораздо проще социалистической. Поэтому неразвитая масса усваивает себе коммунистические стремления гораздо легче, чем социалистические, когда по стечению обстоятельств устремляется на переделку общественных отношений. Чтобы сочувствовать социализму, надобно быть приготовлену к довольно сложным комбинациям идей; чтобы сочувствовать коммунизму, достаточно чувствовать на себе отяготительность существующих экономических отношений и иметь обыкновенное человеческое сознание, что несправедливо терпеть нужду человеку, работающему или готовому работать, когда пользуются благосостоянием или богатством люди праздные. Но нечего обольщаться этою легкостью, с какою овладевают мыслями массы коммунистические идеи во время общественных потрясений. Нравы, обычаи, понятия, нужные для коммунистического быта, чрезвычайно далеки от понятий, обычаев, нравов нынешних людей, и при первых же попытках устроить свою жизнь по своим коммунистическим тенденциям люди находят, что эти тенденции, быстро увлекшие их, нимало для них не пригодны. Выражаясь вульгарно, масса тотчас же чувствует, что напросилась с ковшом на брагу. Так, развратник очень скоро находит, что сделал глупость, женившись на порядочной девушке, красота которой казалась ему так заманчива перед свадьбой: эта скромная женщина не может заменить ему подруг, столь же испорченных, как он сам, и он покидает красавицу-жену для лореток, вовсе некрасивых, а часто даже и вовсе дурных лицом. Социализм — кокетка, очень много заимствовавшая у лореток, но все-таки державшая себя прилично женщина порядочного круга. Она гораздо скорее сумеет удержать в своем сожительстве мужа, бывшего развратником до сочетания с ней, и при своей хитрости, быть может, сумеет удержать от распутства сына, которого приживет с этим мужем; вот этот сын, быть может, уже годится для жизни с женою действительно хорошею.

Но мы не думаем, чтобы и самый социализм скоро приобрел господство в экономической жизни. Мы видим в истории, что очень долгого времени требовало порядочное осуществление перемен, совершенно ничтожных перед этою⁶. Посмотрите, например, сколько десятков лет тяну-

лась в Англии и тянется теперь в других странах борьба⁷ между протекционизмом и свободой торговли. А что такое эта перемена перед изменением, какое соединено с социализмом? — не больше как поправка одной очевидной опечатки перед полною переработкою всей книги, устаревшей по своему содержанию.

Замена аристократического феодализма господством среднего сословия оказалась в истории делом, требующим нескольких веков, да и это дело после нескольких веков все еще не покончено в самых передовых странах. Не говоря уже об Англии, не говоря о Франции (в которой, по мнению Бокля, аристократизм все еще сохраняет больше сил, чем в Англии, — мнение, противоречащее обыкновенному поверхностному взгляду, но в сущности разве немного утрированное), даже вон в Соединенных Штатах, где как будто вовсе и не существовало аристократии, она⁸ наружила изумительную силу, подняв южные штаты на войну для сохранения своего господства над Союзом. Сколько же времени понадобится, чтобы приобрел господство в исторической жизни простой народ, которому одному и выгодно и нужно устройство, называющееся социалистическим! По всей вероятности, это будет история очень длинная. Но ведь если 30-летняя война⁹ продолжалась 30 лет, из этого еще не следует, что не было сражений и в первый год этой войны. По одному большому сражению в начинающейся вековой борьбе за социализм было уже дано в обеих передовых странах Западной Европы. Во Франции это была июньская битва на улицах Парижа; в Англии колоссальная апрельская процессия хартистов по лондонским улицам. Обе битвы были даны в 1848 г. Обе были проиграны. Но на нашем веку еще будут новые битвы, — с каким успехом, мы увидим. А впрочем, с каким бы успехом ни были даны они, мы должны вперед знать, что проигрыш только возвращает дело к положению, из которого должны возникать новые битвы, а выигрыш, — не только первый, который и сам когда-то еще будет, — но и второй, и третий, и, может быть, десятый еще не дает окончательного торжества, потому что интересы, охраняющие нынешнюю экономическую организацию, страшно сильны. Разве одним ударом или двумя ударами была разрушена Римская империя?

Этот взгляд многие принимают за безнадежность, отчаяние. Но какая же тут безнадежность, если я полагаю, что не с первого же приема выучились люди строить пароходы так хорошо, как строят теперь. Другие, напротив, называют тот же взгляд фанатическим или утопическим.

Но трудно согласиться, что нужен фанатизм или утопизм, чтобы иметь непоколебимое убеждение в неотразимости силы распространяющегося просвещения: неужели нельзя быть человеком хладнокровным и рассудительным тому, кто утверждает, что грамотность и образованность в народе постепенно увеличивается, что благодаря этому народ постепенно привыкает понимать свое человеческое достоинство, распознавать невыгодные для него вещи и учреждения от выгодных и обдумывать свои надобности?¹⁰ Да что тут сомнительного-то? А если из этого несомненного исторического закона возникают какие-нибудь непривычные для нашей рутины или невыгодные для наших интересов последствия, то сколько хотите отворачивайтесь от них, а все-таки хода истории не остановите.